

Феномен «русского либерализма»

По материалам полемики журнала «Гражданин» в 1870-е годы

Александр ОТЛИВАНЧИК,
старший преподаватель
кафедры истории
журналистики
Института журналистики
БГУ

Учение славянофилов возникло в русском общественном сознании как альтернатива евроцентристской концепции мира, понимающей русско-славянский тип цивилизации как несовершенную местную форму европейской, по сути, как восточный придаток романо-германского Запада. Представление «старших» славянофилов о самодостаточности России и славянства, имеющего свою уникальную миссию в общей истории человечества, в 1860–1870-е годы было воспринято почвенниками – одним из неославянофильских течений русской общественной мысли.

Славянофильско-почвенническая историософская концепция представляется востребованной и в современной международно-политической ситуации, в условиях системного конфликта интересов между Западом и Востоком Европы.

Известно, что в своем «Дневнике писателя» (август 1880 года) Ф.М. Достоевский дал предельно жесткую характеристику «европейскому либерализму русской интеллигенции»: «И почему, почему наш европейский либерал так часто враг народа русского?» (после уточнения: «я ведь не утверждаю, что они враги народа сознательно», автор «Братьев Карамазовых» и Пушкинской речи решительно настаивает на вынесенном вердикте: эти «аксиомы <...> я не перестану <...> разъяснять и доказывать, пока только буду писать и говорить») [1, т. 26, с. 153]. Столь резкая оценка общераспространенных в XIX веке понятий о либерализме, высказанная Ф.М. Достоевским за полгода до смерти, бесспорно, отражает твердую, устоявшуюся позицию писателя-философа. Отрицание русскими почвенниками «европейского либерализма» тесно связано с позиционированием

ими России *вне* западноевропейской цивилизации; феномен «европейского либерализма» небезосновательно понимался публицистами-почвенниками как сила, препятствующая русскому и славянскому «национальному либерализму», искажающая, по словам И.С. Аксакова, «органический саморост русского народа, своеобразность и свободу его духовного развития» [2, с. 8].

Полемическое восприятие феномена либерализма (в характерном для западноевропейской политологии употреблении этого понятия) – предмет видимой солидарности обеих мировоззренческих групп, представленных в 1870-е годы в редакции петербургского еженедельного политического и литературного журнала «Гражданин», – национал-консерваторов во главе с издателем еженедельника В.П. Мещерским и правых почвенников во главе с редактором Ф.М. Достоевским.

В непривычном контексте

Текстологический анализ публицистических выступлений ведущих сотрудников журнала «Гражданин» – Ф.М. Достоевского, В.П. Мещерского, И.Ю. Некрасова и других – выявляет, кроме устойчиво не-

ОБ АВТОРЕ

ОТЛИВАНЧИК Александр Владимирович.

Родился в 1971 году в Минске.

В 2001 году окончил факультет журналистики БГУ. С 2004 года – преподаватель, с 2010 года – старший преподаватель кафедры истории журналистики Института журналистики БГУ. Автор 29 научных работ.

Сфера научных интересов: история русской журналистики XIX века.

гатиной коннотации всех лексем с корнем *либерал-*, тенденцию к *десемантизации* этих лексем (слово утрачивает свой привычный смысл, оказываясь в окказиональном контексте). Сравнительно легкая в русском языке десемантизация слов с корнем *либерал-* может отражать некоторую аномалию, «неправильность» либо в феномене либерализма как таковом, либо в «русском бытии» либерализма. Приведем важнейшие соответствующие контексты из публикаций «Гражданина» 1872–1876 годов.

1. *Либерализм как синоним евроцентризма, западничества.*

Искусственный характер этой синонимии обнаруживается при произвольном распространении публицистом понятия «либералы» на западников «петровского завета» или на западников-консерваторов. Наиболее показателен пример из очеркового цикла В.П. Мещерского «Письма вольнодумца»: «Петр Великий основал Петербург <...> Екатерина II <...> могла <...> чуть-чуть не испортить все дело Петра. Она <...> создает целый ряд областных и уездных выборных учреждений, с правами и преимуществами, о каких в цивилизованной Европе <...> в то время не было и помину. <...> русские добрые люди все-таки перебрались в Петербург и там объявили <...> не угодно ли будет вам, господа петербуржцы, опять все забрать в свои руки <...> И замерли дворянские собрания, замерли гражданские и уголовные палаты, замерли уездные и земские суды, замерли <...> депутатские собрания, и, чем крепче замирает вся эта политическая Россия в провинции, тем ярче восход в Петербурге России петербургской, с добрыми русскими людьми, отшлифованными по петровскому завету». Несколько далее по тексту Мещерский формально себе противоречит, заявляя: «Петербургский чиновник – это либерал» [3, с. 850–852].

2. *Либерализм как синоним русофобии:* «...сколько насилия <...> проявляет известного (либерального. – А.О.) тона русская литература над умами и сердцами русских читателей, сколько оказывает отрицания русскому народу в его своеобразном бытовом и духовном складе мысли и чувства!» (И.Ю. Некрасов) [4, с. 726].

Не менее, если не более показательны подобные контексты в личной переписке

Ф.М. Достоевского конца 1860-х – начала 1870-х годов: «... вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты <...> ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением» [1, т. 28, кн. 2, с. 210]; «Я вон как-то зимою прочел в «Голосе» <...> «мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших». Нет, мой либерализм не доходил до этого; я <...> хоть и оставался еще тогда <...> с сильной закваской шелудивого русского либерализма <...> но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским» [1, т. 29, кн. 1, с. 145].

3. *Либерализм как синоним пустоты, отсутствия внутреннего содержания, незрелости или выхолощенности понятий:* «Громкие фразы <...> либеральные, опошлившиеся тенденции, все это, кажется нам, надо отложить в сторону»; «До сих же пор разные попытки популяризовать женский вопрос в России, громкими и дешево-либеральными фразами <...> имели <...> характер простого <...> обезьянничанья» (В.П. Мещерский) [5, с. 1147; 6, с. 449]; «... не доверять суесловию либеральнейшего модного журнала» (И.Ю. Некрасов) [4, с. 726].

Примечательны подобные же контексты в эпистолярных материалах: «... в этой гуманности с преступником еще много книжного, либерального, несамостоятельного» (Ф.М. Достоевский – А.Н. Майкову, 18 февраля (1 марта) 1868) [1, т. 28, кн. 2, с. 260]; «... я считаю возможным доставить вам мой краткий анализ отрицательных начал западного развития: **внешней свободы**, исключительной личности и рассудочного знания – **либерализма**, индивидуализма и рационализма.

Впрочем, я приписываю этому маленькому опыту только одно несомненное достоинство, именно то, что в нем господствующая ложь прямо названа ложью и пустота – пустотою» (В.С. Соловьев – Ф.М. Достоевскому, 24 января 1873) [7, с. 331].

4. *Либерализм как синоним аморальности:* «И ведь всё гаденькие, грязненькие, скверные скандалы, и всё либеральным запахом проникнутые» (В.П. Мещерский) [3, с. 853].

5. *Либерализм как «доходная статья»:* Либерализм приносит барыша 200 %
Космополитизм 150 %

Индифферентизм 100 % (В.П. Мещерский) [8, с. 558].

Я с удовольствием читал

И понял плод либерализма...

Статьи доходны нигилизма! (Ф.М. Достоевский) [1, т. 17, с. 20].

«...Молодой поэт <...> вытягивает из себя <...> тему, удовлетворяющую общему, мундирному, либеральному и социальному мнению <...> Что делать: мундир-то ведь так красив, с таким шитьем, блестит... Да и как выгоден!» (Ф.М. Достоевский) [1, т. 21, с. 73].

б. Выражения и контексты, указывающие на фальшь, внутреннюю несостоятельность либеральных учений.

В текстах Ф.М. Достоевского: «псевдолиберальный». В текстах В.П. Мещерского: «псевдолиберальный», «либерально-фальшивый», «ложнолиберальный», «лжелиберальный», «дуто-либеральный». В текстах И.Ю. Некрасова: «псевдолиберальный», «лжелиберальный», «лжелибералы», «беззастенчивая либеральная ложь».

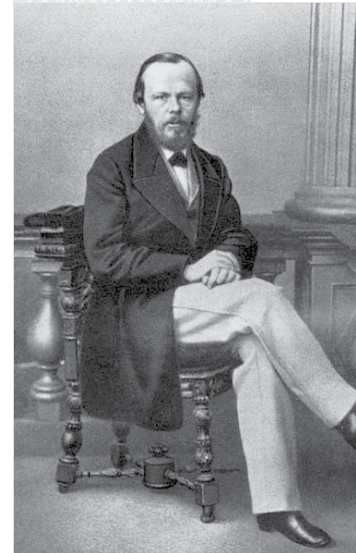
Представление о либерализме как понятии *фальшивом* авторы «Гражданина» подчеркивают употреблением различных оксюморонов. В текстах Ф.М. Достоевского: «либеральный страх» (в значении: *боязнь не угодить либералам*). В текстах В.П. Мещерского: «либеральная казенщина», «казенно-либеральный». В текстах И.Ю. Некрасова: «псевдолиберальная казенщина», «русский крепостнический либерализм», «нравственное крепостничество заело русскую душу, будь оно проявляемо <...> и в либеральнейших словоизвержениях новомодной петербургской журналистики». В текстах А.Г. Киркора: «конституционно-либеральное крепостничество». Возможен и оксюморон – антоним «крепостнического либерализма» – «лакейский либерализм». В «Двух заметках редактора» Ф.М. Достоевского слова «лакейство мысли» отнесены, судя по контексту, к либеральной части общественного мнения. Они как бы отсылают читателя журнала к известному высказыванию Ивана Шатова в романе «Бесы»: «Люди из бумажки; от лакейства мысли всё это <...> Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить» [1, т. 10, с. 110–111].

Природа антилиберальных настроений издателя «Гражданина» В.П. Мещерского

и публицистов-почвенников – при значительном внешнем сходстве этих настроений, даже при единообразии авторских полемических приемов – представляется существенно различной. Если В.П. Мещерский отвергает систему либеральных ценностей в самом ее основании («Гражданин» – «орган консервативный <...> в обличение всех увлечений либерализмом» [9, с. 158]), то мишенью критических выпадов почвенников является лишь классический либерализм «европейского образца». Критика русского «европеизующего либерализма» ведет Ф.М. Достоевского, И.Ю. Некрасова, других участников славянофильско-почвеннического кружка в редакции «Гражданина» к переосмыслению самого термина *либерализм*, к приданию космополитической либеральной идее «национального измерения».

Свобода – подчиненность: взаимопереход понятий

Фальшь типичной для сознания русско-го интеллигента XIX века «версии» либерализма заключается в поверхностном и абстрактном восприятии важнейшего понятия в системе либеральных ценностей – понятия свободы. На этот теоретический изъян неоднократно указывал оппонентам-западникам литературный критик журнала «Гражданин» Н.Н. Страхов: «Свобода – дело не оцененное; но ведь свобода есть понятие отрицательное (т.е. понятие, означающее *отсутствие*, а не наличие чего-либо; *свобода – отсутствие* угнетения, принуждения. – А.О.); спрашивается, что нам делать, когда мы получим свободу? <...> Для чего именно нужна нам свобода?» [10, с. 547]; «Свобода есть идеал отрицательный, а Лютер дал своему народу положительный идеал, то есть то, ради чего нужна и хороша свобода» [11, с. 1347]. Вполне конкретно понятие свободы и в интерпретации Достоевского, всегда отрицавшего «бесплотный и беспредметный либерализм» как либерализм «мертвый» [1, т. 21, с. 258]. «При постановке проблемы свободы Достоевский задается вопросом: чья свобода, для чего и от чего?» [12, с. 169], другими словами, для писателя-философа важны такие категории, как *субъектность свободы* и *целеполагание субъекта свободы*. В №№ 35–37 «Гражданина» за 1873 год

▲ Ф.М. Достоевский

Ф.М. Достоевский помещает обширную рецензию К.П. Победоносцева на работу английского консервативного политолога Дж.Ф. Стифена «Свобода, равенство и братство». Примечательны следующие приводимые рецензентом рассуждения Стифена о конкретике практического понимания свободы и о наличии неразрывной диалектической связи между понятиями *свобода* и *сила*. Если не в теории, то на практике слово *свобода* «означает и более, и менее чем простое отсутствие стеснения. Оно означает отсутствие того именно стеснения, которое говорящему о свободе представляется тяжким, и означает вместе с тем присутствие особенной силы, свободно действующей в том направлении, которое представляется желательным». Итак, «свобода, по самому существу своему, зависит от силы» – именно сила обеспечивает свободу [13, с. 960–961]. При этом субъекты свободы *различны* и каждый из них наделен силой. Как следствие, субъекты могут реализовывать свою свободу в ущерб друг другу – свобода может противостоять свободе же. Восходящий к учению английского философа-позитивиста XIX века Дж.С. Милля принцип «Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого» (и позднее – в XX–XXI веках – получивший в Европе всеобщее распространение), не универсален по своему характеру. Самим Дж.С. Миллем этот принцип был сформулирован только в применении к сфере юридической, гражданско-правовой; именно в ней он впоследствии закрепился в Европе. Выраженное в принципе Милля ограничение неприменимо к остальным сферам общественной жизни – экономической, культурно-цивилизационной, международно-политической, а также к пересечению разных сфер (гражданско-правовой и экономической, юридической и международно-политической и т.д.). Во всех этих случаях либо нельзя четко определить «границы» свободы разных субъектов, либо неясно, как гарантировать неприкосновенность таких «границ». В итоге свобода сильного субъекта (индивидуального либо коллективного) служит орудием социального или экономического угнетения, культурно-цивилизационной экспансии и т.д. Лицо, не обладающее силой или средствами реализации своей воли, при номинальной свободе для всех фактически

становится сферой приложения чужой свободы. С некоторой утрировкой, намеренно юмористической, это показал Достоевский еще в очерках «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), где мы находим краткий мысленный диалог: «Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [1, т. 5, с. 78].

Публикации журнала «Гражданин» за 1873–1874 годы – внешнеполитические обозрения, зарубежные корреспонденции, статьи на экономические темы – наглядно отражают сложную диалектику – вплоть до взаимоперехода – понятий *свобода* – *зависимость*. Приведем несколько характерных примеров.

Подчинение Хивинского ханства требованиям России (в т.ч. ограничение независимости Хивы как государства) по итогам похода 1873 года принесло личную свободу десяткам тысяч рабов, похищавшимся хивинцами преимущественно в Персии. После ухода русских войск осенью 1873 года хивинские подданные истребили до 1600 уже освобожденных персиян (Пуцыкович В.Ф. «Хивинский поход», № 28 за 1873 год; Пуцыкович В.Ф. «Вести о Хиве», № 33 за 1873 год; «Слухи о Хиве», № 42 за 1873 год).

Юридическое уравнивание иудеев с христианами в Австро-Венгрии де-факто оборачивается жестокой экономической зависимостью галицийских крестьян от еврейских предпринимателей; в противоположность этому, правовая дискриминация евреев в России, уменьшая экономическую мощь кагала, препятствует окончательному обнищанию и закабалению крестьян «западных и южных губерний» (А.Г. Киркор. «Из славянских земель (Корреспонденция «Гражданина»), № 40 за 1874 год).

Либеральные порядки, изначально существующие в США для *белого населения*, не гарантируют даже физического выживания (тем более свободы) коренным этносам Американского континента. Свободно избранный президент США У.С. Грант в послании конгрессу 1 марта 1873 года

заявляет, что будет «вносить цивилизацию к индейцам и другим племенам; если же они не примут ее добровольно, то он будет воевать с ними до совершенного их истребления» («Политическое обозрение», № 10 за 1873 год).

В противовес свободной международной торговле в Англии высокие ввозные таможенные пошлины в США в период и после гражданской войны 1861–1865 годов или в России в дореформенное время, подрывающая систему свободной международной торговли, охраняют «свободу внутренних промыслов от гнета иностранного соперничества» (Шипов А.П. «Об устранении давлений плутократии», №№ 44 и 52 за 1873 год).

Именно пониманием проблемы субъектности экономической свободы («чья свобода?») объяснима принципиальная оппозиция экономистов «Гражданина» – А.П. Шипова, В.Я. Ососова, М.С. Степанова – либеральному внешнеэкономическому курсу правительства Александра II, обеспечивавшему широкий доступ иностранных товаров и капитала на еще неразвитый, не готовый к конкуренции российский рынок. Свобода экономического сотрудничества состоятельная зарубежной торговой фир-

мы с русским ремесленником-кустарем доводит последнего до разорения и долговой кабалы; чистая прибыль торговца в разы превышает доходы работника, не покрывающие даже необходимых издержек производства, – отмечается в рубрике «Из современного обозрения» в № 3 «Гражданина» за 1874 год.

Особое значение вопрос субъектности свободы («чья свобода?») получает в высшей, культурно-цивилизационной сфере. Петровские реформы дали западноевропейской цивилизации свободу вторгаться в русское этнокультурное пространство, преобразовывать его. Однако начавшаяся европеизация страны не укрепила даже гражданско-правовых свобод российских подданных. Прежнее московское государство было либеральнее петровской империи – такой вывод нетрудно сделать из суждений редактора и сотрудников «Гражданина» – Ф.М. Достоевского, Т.И. Филиппова, А. Екимова – о ряде институтов церковной и светской власти, упраздненных в России в эпоху Петра I. Таково совещательное начало в Русской православной церкви, практика созыва ею поместных соборов, наличие сословного крестьянского суда, независимого от государственной администрации. Перечень можно продолжить, включив в него более значимые сословно-представительные законодательные и судебные институты Московской Руси – боярскую думу, земские соборы (по сути являвшиеся зачатком парламентского института), судебную власть выборных губных старост, также ликвидированные абсолютизмом Петра I.

Наибольший вред от культурного «вторжения» западного мира в Россию состоит, однако, в другом – в духовной ассимиляции, обезличивании русских, в дефиците, по оценкам авторов «Гражданина», национального самоуважения в народе, естественно призванном к лидерству в славянском и православном мире. «В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в <...> научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. <...> Мы забыли, что все великие нации <...> тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая,

хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и *высокомерно самостоятельными*», – писал Достоевский 10 февраля 1873 года наследнику русского престола цесаревичу Александру (будущему Александру III) [1, т. 29, кн. 1, с. 260]. Авторитет Запада «отнимает у нас смелость *свое суждение иметь*», – замечал на страницах «Гражданина» Н.Н. Страхов. – «Люди, понимающие духовную свободу, знающие ее несравненную цену и стремящиеся к ней, больно чувствуют <...> гнет» европейского влияния над русской общественной мыслью; «тяжесть его незаметна только тем, для кого подчинение дело естественное, кто умственный раб по самой своей природе» [14, с. 474; 15, с. 621].

Либерализм: космополитический и национальный

Как видим, полемично-негативный характер восприятия публицистами-почвенниками термина *либерализм* обусловлен, прежде всего, монополизацией, «присвоением» этого понятия европейцами и

русскими евроцентристами (западниками). Русские западники не понимают или не принимают в расчет того, что славянская Россия и романо-германская Европа – разные геополитические субъекты, что западное влияние, распространенное на Россию и славянский мир, не всегда *либерально относительно славян*, не всегда несет им свободу. Протест против мнимого либерализма западников («Свободы истинной, а не номинальной!» [1, т. 21, с. 272]) приводит почвенников к альтернативному пониманию либерализма как идеологии, неотделимой от национальных ценностей. Впервые такая трактовка либерализма была предложена Н.Я. Данилевским в 1869 году в славянофильском журнале «Заря»: «...либеральная политика совершенно невозможна, если она не национальна, так как либерализм заключается в свободном развитии всех здоровых сторон народной жизни, между которыми национальные стремления занимают самое главное место» [16, с. 325]. Приветствуя в начале 1869 года создание «Зари», Ф.М. Достоевский писал Н.Н. Страхову: «...в журнале есть *мысль* <...> она есть единственная передовая и *либеральная мысль, для нас* в наше время» [1, т. 29, кн. 1, с. 15]. «Национальный либерализм» славянофилов, стремящийся оградить русскую свободу от стороннего (в т.ч. западного) давления, разумеется, не может гарантированно обеспечить «внутренней» свободы русской жизни. В отличие от классического абстрактного либерализма, он, однако, создает *внешние* предпосылки свободного развития нации.

В свете изложенного обретают простой и прозрачный для понимания смысл все окказиональные контексты слов *либерал, либеральный* в статьях «Гражданина». Так, «либеральное лакейство» состоит в духовной зависимости русских западников от внешней силы, зачастую недружественной русскому и славянскому миру. «Либеральное крепостничество», «либеральное насилие» проявляются в стремлении евроцентристов навязать русской жизни не свойственные ей стандарты, сломать естественные опоры, на которых может утверждаться свобода России. «Либеральная фальшь», «либеральная ложь» есть бессознательная, а в некоторых случаях и сознательная подмена понятий, есть служение *чужой* свободе фактически в ущерб собственной. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
2. Живое поминальное слово о Достоевском // Берлинский листок. – 1906. – № 3. – С. 7–8.
3. О... [Мещерский, В.П.] Письма вольнодумца. VI / О... [В.П. Мещерский] // Гражданин. – 1873. – № 31. – С. 849–853.
4. Москвич [Некрасов, И.Ю.] Московские заметки / Москвич [И.Ю. Некрасов] // Гражданин. – 1873. – № 26. – С. 724–727.
5. К... сельский педагог [Мещерский, В.П.] Что нам нужно в деле образования народа? / К... сельский педагог [В.П. Мещерский] // Гражданин. – 1873. – № 43. – С. 1145–1149.
6. Мещерский, В.П. «К делу!» Ответ русской женщине / В.П. Мещерский // Гражданин. – 1872. – № 31. – С. 449–453.
7. Достоевский, Ф.М. Записная тетрадь 1872–1875 гг. / Ф.М. Достоевский; публикация и коммент. Г.Ф. Коган // Литературное наследство. – М.: Наука, 1971. – Т. 83. – С. 289–348.
8. Мещерский, В.П. Взгляд назад / В.П. Мещерский // Гражданин. – 1872. – № 34. – С. 557–559.
9. Мещерский, В.П. Мои воспоминания / В.П. Мещерский. – СПб., 1898. – Ч. II. – 514 с.
10. Страхов, Н.[Н.] Заметки о текущей литературе. V / Н.[Н.] Страхов // Гражданин. – 1873. – № 18. – С. 546–547.
11. Критика и библиография // Гражданин. – 1873. – № 50. – С. 1345–1348.
12. Касаткина, Т.[А.] Философские и политические взгляды Достоевского / Т.[А.] Касаткина // Достоевский и мировая культура. – М.: Классика плюс, 1997. – № 8. – С. 167–178.
13. Критика и библиография // Гражданин. – 1873. – № 35. – С. 958–962.
14. Страхов, Н.[Н.] Заметки о текущей литературе. III / Н.[Н.] Страхов // Гражданин. – 1873. – № 15–16. – С. 473–474.
15. Страхов, Н.[Н.] Заметки о текущей литературе. XII / Н.[Н.] Страхов // Гражданин. – 1873. – № 21. – С. 620–621.
16. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.